

ПРОМЕНЯЛ...

Рассказ.

В училище его сравнивали с великим Суриковым и прочили большое будущее. Настоятельно рекомендовали продолжать обучение – поступать в Академию, но Кирилл решил отправиться, взяв распределение, в глубинку. Отработать положенные три года. Набраться опыта. Накопить этюдов, набросков для будущих композиций и картин. Ведь именно провинция, считал он, хранит самобытные характеры, лица, сюжеты. А уж потом, с накопленным бесценным грузом, можно покорять и Академию, и вершины великого искусства.

В мастерской районного Дома культуры Удальцова встретили довольно доброжелательно, отнеслись как к равному. Как к коллеге, который вливается в коллектив, творящий общее дело. Художники обслуживали практически весь район: создавали настенные панно на многоэтажках, оформляли Красные уголки, трудились над наглядной агитацией в городе и в селе. Для пополнения семейного бюджета «халтуряли» в неурочное время. Сельчанам тиражировали иконки и довольно примитивные натюрморты, где красовались розочки в вазочках. Горожанам копировали мифологические сюжеты, писали восходы с закатами, в которых растворялись индивидуальности исполнителей. Довольно крепко владея шрифтом, плакатом и всем оформительским набором, и здесь растворялись, и зачастую трудно было отличить работу одного от другого. Личное творчество, стремление к совершенству живописного или графического мастерства не прослеживалось, что просто убивало Кирилла. Он перенимал какие-то оформительские приёмы, хитрости, но этого было мало душе, жаждущей своего пути в искусстве.

Не обременённый семейными заботами, всё свободное время занимал поиском интересной натуры, писал пейзажи и портреты. По вечерам, в выходные дни продумывал наметившиеся сюжеты, воплощал задумки в реальность. С сожалением расставался с кистью или карандашом, когда нужно было ложиться спать, но с радостным ощущением продолжения созидания просыпался утром. Очередная работа, наполняя комнату будоражащим сердце и фантазию запахом красок, притягивающее манила к себе. Наскоро позавтракав, вновь окунался в мир цвета и линий, забывая обо всём и обо всех. Своеобразные композиции, в которых уживались исторические герои и события с современностью, вымысел и реальность, местные виды и лица заполняя мастерскую, просились в выставочный зал. Ведь только зритель даёт ответ: верной ли дорогой движешься, нужны ли твои произведения, найдут ли они отклик у людей. Публичный показ определённых итогов собственного творчества всегда волнует художника до дрожи в голосе и в коленях. Лукавит тот, кто заявляет, что трудится лишь для собственного удовольствия, что ему безразлично мнение окружающих. Да, в первую очередь ты работаешь для себя, но... Если при демонстрации созданного упорством, потом, кусочком жизни не шевельнётся тревога в ожидании отзыва ценителей, тогда не стоит и усердствовать. Или уподобляться скупому рыцарю, одиноко любующимся своими сокровищами... Всякий талант – богатство, которое принадлежит не только его обладателю.

Кирилл не относился к тем, кто заявляет о пренебрежении мнением. Наоборот, хотелось узнать его из уст незнакомых, а не только от друзей, которые – ясное дело – не могут быть объективными. Поэтому переживал крепко, когда в том же Доме культуры впервые предстал перед публикой со своим творчеством... И как же радовался, не увидев ни одного равнодушного лица в зале, освещённым солнцем. Зрители по одиночке, группами останавливались у работ, живо обменивались

впечатлениями иль молча оценивали графику с живописью. Он неоднократно заглядывал на выставку, всякий раз заставляя там внимательных посетителей. Сердце замирало от какого-то щемящего удовлетворения: не зря, выходит, думал, черкал, искал и находил нужные решения, переделывая иногда завершённые – для постороннего взора – композиции. Не зря. Это окрыляло, вдохновляло, влекло в мастерскую. Какой же не поддающийся словам восторг испытывал Кирилл перед чистым холстом или листом бумаги! Знал, нетронутая белизна постепенно заполнится штрихами с мазками – миром, придуманным и созданным им. Любым создателем движет рискованно-возвышенное начало, где невозможно предсказать и предугадать конечный результат... А как сладок весь процесс придумки и воплощения – его не заменить ни вином, ни женщинами, ни прочими радостями земного бытия. Этим и притягательно творчество.

Во время проведения выставки познакомился с молодой женщиной, которая восхищённо и довольно грамотно отзывалась об увиденном. Что подкупило Удальцова.

Холостяцкая жизнь кончилась. Семейные, хозяйственные хлопоты вошли в круг забот художника. Родился ребёнок. Возросли финансовые запросы. Жена, на первых порах поддерживавшая в его начинаниях, стала проявлять недовольство, нетерпимость. Чаше и чаше возникали ссоры.

А тут ещё и страна утратила прежнюю слаженную прочность. Непонятные отношения вторглись в повседневность, непонятые шаги предпринимала власть, всё больше отдаляя людей от благополучного спокойствия.

Мастерская распалась. Некого, да и незачем было призывать к новым свершениям, никому не нужны стали Красные уголки, наглядная агитация... Ветшали панно и стенды, блёкли краски на агитплакатах, которые оставались то там, то здесь... Оформительской работы практически не наблюдалось. А жить надо как-то... Ткнулся в одно

место, в другое. «Нет, не сейчас... Может, позже что-нибудь понадобится. А сегодня, честно говоря, не до художеств», - слышал в ответ на предложение своих услуг.

Попытался продавать то, что некогда вдохновенно создавалось в светлой и уютной мастерской. Безуспешно. Простому покупателю произведения оказались не по карману, а тем, кто имел деньги – его творческие находки были не нужны. Им подавай девах да голых баб. В барах, бассейнах или на картинах. Один чёрт...

Жена всё чаще ворчала: «Кому нужна твоя мазня? Или рисуй, что будет всяк покупать – тогда и деньги появятся, или вовсе нечего краски переводить. Твоими возвышенными порывами не насытишься». Попробовал внять её наставлениям и потрафить публике – аж тошно стало...

С отчаяния запил. Ссоры превратились чуть ли не в каждодневные скандалы. Может, и дальше пил, если бы половина не пригрозила: «Возьму дочку, уйду к родителям». В дочурке он души не чаял. Поэтому однажды утром, принарядившись, отправился из дому. Вернувшись к вечеру, заявил: «Меняю курс».

И сменил. На занятые деньги вместе с собственной «зачаткой» купил бычков. И стал выращивать их.

После долгого трудового дня, когда ныли руки и спина, стало не до искусства, не до высокой материи. Лишь бы выспаться, лишь бы отдохнуть за ночь. Сначала, когда еле притягивал ноги домой, думал, что и здесь постигнет неудача. Тогда уж точно всё рухнет... И останется без денег, без успеха, без семьи и дочери. Однако постепенно втянулся в монотонность хозяйства своего. Руки, привыкшие больше держать кисть да карандаш, огрубели, омолозились. Уже не дрожали противно, твердо держали и ложку, и вилы... А когда сдал бычков, получил денежное вознаграждение, прибарахлил семью – все «дурные» мысли о творчестве куда-то исчезли. Или глубоко залегли.

Дело пошло по накату. Семейство было одето, обуто, сыто. Жена перестала дуться, проявлять недовольство. По-деловому считая выручку, строила планы по поводу новых, необходимых товаров для дома, для хозяйства. Разговоры об экономических выкладках, о привесах, тоннах фуража вытеснили все иные разговоры.

И всё же, и всё же... Где-то в глубине тихонько, как жилка на виске, билось и теплилось творческое начало... Иногда оно начинало стучать сильнее, настойчивее, требуя выхода...

Как-то Удальцову попался на глаза технический журнал с обилием чертежей. С того дня стал что-то мастерить в свободное от бычков время. Жена первоначально с недоверием косилась в его сторону, но, поняв, что их благополучие не страдает от увлечения мужа, успокоилась. А окрепшие, сильные руки Кирилла пилили и строгали дерево, крутили гайки, варили металл, гнули трубы...

И наступило то утро, ради которого тратил все незанятые минуты. С большой поляны, где изумрудилась трава, качались цветы, умелец взлетел в небо. Просчитанный и собственноручно изготовленный мотоплан оторвался от земли и новоявленный авиатор, глядя сверху на извилины реки, на пенящиеся сады, глядя на облака и на солнце, запел. Громко, вдохновенно... И счастье, ощущение которого почти забыл, переполнило душу...

...Успокоенный, умиротворённый полётом, сидел за обеденным столом, просматривая почту. Местная газета в небольшой заметке в восторженных тонах описывала открывшуюся выставку какого-то художника. Откинувшись на спинку стула, призадумался, забарабанив по столу пальцами. Интересно, интересно... Когда-то и о нём писали всё в той же газетке... Даже не верится...

Решительно встал, направившись к входной двери.

- Ты куда?! – удивлённо приподняла брови супруга.

Не ответив, шагнул за порог...

Медленно ходил по тому же залу, где и сам выставлялся, рассматривая произведения. В общем-то неплохо...Кое-что показалось любопытным, даже занятным, но... В целом-то он работал лучше этого парня. Лучше!

В раздражении, вкравшись в нутро, покинул Дом культуры. Чем дальше отдалялся от ДК, тем больше росло раздражение, превращаясь в злость. Швырнув окурок в чей-то палисадник, проговорил вслух:

- Выходит, зря жизнь прожил. Угробил талант. Да нет, променял на навоз! Про-оменя-ял...

Его сердце замерло от этой мысли, потом от печали по прошлому, а следом начало биться учащённо в какой-то надежде на что-то призрачное, светлое, находящееся где-то за горизонтом...Кирилла бросило в жар, затем – в холод... Он задохнулся и, показалось, вот-вот умрёт от обуревавших дум, переживаний, угрызений совести, от навалившейся тоски и тупиковой безысходности...

Меж тем солнце скрылось за набежавшей тучкой. Потянуло освежающим ветерком. Мысли, метущиеся в разгорячённой голове, стали успокаиваться, приобретать трезвую расчётливость, потихоньку перетекли в русло бытовой реки жизни, где были бычки, привесы, корма, выручка...

х. Качалин,
май 2005 г.